Глава: 20 Молодец, Сяо Ван!

Неловкая ситуация? Ван Сюань снова растерялся. В прошлый раз это было во многом из-за вмешательства Цинь Чэна, но на этот раз все было иначе. Он был тем, кто ее вызвал.

У входа в отдельную комнату изящно стояла Чжао Цинхань. Она была одета в роскошное облегающее платье, которое облегало ее фигуру, подчеркивая изгибы от бедер до коленей. Однако, в отличие от последней встречи, она не улыбалась. Ее некогда милое и очаровательное лицо сейчас холодно смотрело на него. Она была совсем не похожа на себя.

— Почему ты все еще стоишь там? Заходи. — Приветствовал ее Ван Сюань. Он встал и лучезарно улыбнулся ей. — Я только что сказал Цинь Чэну, чтобы он не торопился с заказом. Я подумал, что мы подождем, пока ты придешь, и сможешь выбрать то, что тебе нравится. Не нужно жалеть моих расходов. Как местный житель, я обязан хорошо принять тебя, прежде чем ты уедешь.

Когда вошла Чжао Цинхань, её взгляд немного смягчился, но холодная аура всё ещё была заметна. "Благодарю за гостеприимство, Ван Сюань", - ответила она сдержанно и ровным голосом.

У Цинь Чэна слегка приоткрылся рот. Да что ты такое говоришь! Это же я угощаю! Он был несколько ошеломлён холодным поведением Чжао Цинхань, что, на удивление, было очаровательно. Он бросил ещё один взгляд на Ван Сюаня. Постарайся справиться с этим. На этот раз я не виноват.

Чжао Цинхань обладала длинными, чёрными волосами, которые волнами сбегали по её спине, обрамляя её нежное овальное лицо. Впрочем, в нём не было и намёка на её обычную сладость. Наоборот, всё её существо выражало отстранённое отчуждение. Её прекрасные большие глаза смотрели на Ван Сюаня взглядом, который больше не был таким же нежным как прежде. В нём чувствовался лёгкий гнев. Её блестящие красные губы лишь подчёркивали её холодный облик. На её лице не было и намёка на улыбку. Она слегка подняла голову, и на фоне тёмных волос её белоснежная кожа выделялась особенно контрастно. Она смерила Ван Сюаня надменным взглядом. Тем не менее, она вошла в отдельную комнату, а инкрустированные кристаллами высокие каблуки на её ногах издавали мягкий звук при соприкосновении с полом. Это был единственный звук в воцарившейся тишине. Цинь Чэн, встав, выдвинул для неё стул.

Однако она не приняла его предложения. Вместо этого она подошла к стоящему рядом дивану. Не говоря ни слова, она села и изящно положила ноги на журнальный столик. Ноги она держала вместе, избегая при этом выставить что-либо на обозрение. Ноги Чжао Цинхань были прямыми и исключительно длинными, что в полной мере демонстрировало ее пропорциональную фигуру.

Этот облик, этот вызывающий образ — они полностью отличались от той Чжао Цинхань, которую знал Цинь Чэн. Теперь она действительно излучала королевскую ауру, которую описывал Ван Сюань, опровергая его прежнее восприятие ее. Она молчала.

Когда она скрестила руки, ее изгибы были подчеркнуты еще больше, хотя и непроизвольно. Она уставилась на Ван Сюаня, ожидая разумного объяснения. Она уже дважды ловила его на том, что он плохо о ней отзывается. Взгляд, которым она сейчас наградила Ван Сюаня, никак не мог ассоциироваться с нежностью. Хотя она оставалась по-прежнему прекрасна, но на ее лице лежал холодный оттенок. Под ее ледяной поверхностью бурлил гнев.

Ван Сюань встал, его выражение стало смертельно серьезным. Он направился к Чжао Цинхань.

Как ни странно, Цинь Ченг был спокоен. Он редко видел Ван Сюаня в такой затруднительной ситуации. Он с нетерпением хотел увидеть, как Ван Сюань выкрутится из нее.

— Извините!

Постойте, он что, извинился?! Цинь Ченг испытал некоторое разочарование. Он наслаждался зрелищем и с нетерпением ожидал выступления Ван Сюаня. Ван Сюань был человеком, который никогда не играл по правилам.

Однако то, что произошло дальше, превзошло ожидания Цинь Чена. Он чуть не закричал от недоверия. Ему было трудно поверить своим глазам. Старик Ван, ты... Ты действительно дерешься с Чжао Цинханем!

После извинения правая рука Ван Сюаня ударила Чжао Цинхань по шее. Легкий грохот ветра и грома сопутствовал этому движению. Это был ужасающий напор силы, реализованный с потрясающей скоростью. Казалось, воздух завибрировал от взрывного шума, а турбулентные потоки воздуха яростно зашевелились. Бумажные салфетки на кофейном столике взлетели вверх.

Цинь Чэн был в шоке. Он понимал, что Ван Сюань выкинет что-то подобное, но это было уже совсем через край. Он даже не думал, когда бросился атаковать Чжао Цинхань.

Он сильно нервничал, но все, что он мог сделать — это с открытым ртом смотреть на них двоих. Что это такое? Что происходит? Умница, старина Ван! Ты даже не подумал!N0v3lTr0ve послужил оригинальным хостом для размещения этой главы на N0v3l--B1n.

Чжао Цинхань была так же обескуражена. Ее выражение лица моментально изменилось. Ван Сюань действительно сделал непредсказуемое и затеял с ней драку там и тогда. Но ее реакция была молниеносной.

Несмотря на первоначальный шок, Чжао Цинхан мгновенно отреагировала. Она сразу же вонзила свою правую руку в руку Ван Сюаня. Даже при инициативе, предпринятой Ван Сюанем, ее атака была невероятно быстрой. Одновременно ее левая рука сжалась в кулак. Ее изящная конечность обладала устрашающей силой. Он издал резонирующий звук, когда громыхнул по груди Ван Сюаня.

Атакующая позиция Ван Сюаня правой рукой осталась неизменной, но его левая рука также двинулась, чтобы перехватить кулак Чжао Цинхан.

Бах!

Ван Сюань продолжил: "Не сердитесь, мисс Чжао. Пожалуйста, садитесь. Мы можем поесть, а затем можем поговорить о нашем сотрудничестве".

После нескольких взаимодействий с ней Ван Сюань был уверен, что у нее есть какие-то дела с ним. Иначе она бы не стала обращаться к нему, когда собиралась покинуть город. Должна быть причина ее появления в этот день.

«Вы слишком уверены в себе», — ответила Чжао Цинхань. Она была готова забыть о прежних

конфликтах и обсудить с ним ситуацию.

Официант был в шоке, когда они вошли в комнату. Какого чёрта они тут устроили?! Что это за разбитый журнальный столик и дыры в полу? Очевидно, что необходимо было искать другое помещение.

Чжао Цинхань была достаточно великодушна, чтобы не упоминать о том, что произошло ранее. Однако она ненадолго вышла и вернулась в пальто, ощущая какое-то назойливое чувство, будто за словами Ван Сюаня крылось что-то другое.

Как только они втроём заняли свои места, атмосфера вновь стала гармоничной. Они болтали и смеялись, как будто ничего и не было.

Начнем с самого важного, мисс Чжао, — с очень серьезным видом сказал Ван Сюань. — Вам интересны мои способности, но я хочу сразу прояснить: если вы попросите меня сделать что-то незаконное, не думайте, что я пойду на это. Я — законопослушный гражданин города. Я никогда в жизни никому не причинял вреда. Ох, ну ладно, тот случай с Чжоу Юнем не считается. Я действовал исключительно в целях самообороны.

Чжао Цинхань в упор смотрела на него. Она не могла поверить, что ее одноклассник такой, каким он себя описывает. Тщательное расследование могло бы выявить какую-нибудь его темную тайну или прошлое.

С сохраняемым спокойствием и хладнокровием она продолжила вести беседу, проявляя сдержанность и манеру поведения опытного дипломата. Она не спешила сразу переходить к делу и вместо этого начала разговор с трансгуманистических искусств.

— Трансгуманистические искусства, а некоторые могут называть их божественными искусствами, по сути, являются неожиданным приобретением при изучении определенных сфер, — она медленно поясняла то, что ей было известно.

Затем, сменив манеру поведения, она заметила: «Есть те, кто лелеет амбициозные замыслы. Они едва-едва прикоснулись к поверхности своих расследований и уже представляют, как подчинят себе силу Божественных Искусств. И представьте себе, есть даже те, чьи мечты простираются еще дальше в фантазии стать каким-то божественным существом. Это довольно зрелищно. Но, возможно, им стоит сначала заняться проблемой своей ограниченной продолжительности жизни».

По мере того, как ее повествование продолжалось, Ван Сюань внезапно пронзила догадка: «Ты задумываешься о том, чтобы собрать группу для путешествия в неизведанные места? Первопроходцы всегда оказываются в беде. Не рассчитывай на меня, я не заинтересован в том, чтобы стать пушечным мясом!»

Чжао Цинхань ответила с заманчивой улыбкой: «Твое воображение действительно яркое. Не бойся, как одноклассники, я не собираюсь посылать тебя на верную смерть. Это возможность, которая бросает вызов твоим самым смелым мечтам!»

Но Ван Сюань не заинтересовался.

"Не волнуйся. Это не то, что ты себе представляешь. Это открывает перед тобой новые возможности. Однако, учитывая, что в данный момент тебе перекрыт путь в Новую Звезду, еще рано углубляться в такие дискуссии".

Они оба весело рассмеялись, продолжая разговор.

В конце концов, Ван Сюань перешел к делу: "Если ты настроен на то, чтобы принять меня на борт, не соизволишь ли ты прояснить, предусматривает ли сделка авансовый платеж? И, просто из любопытства, не случайно ли у тебя есть какие-нибудь древние даосские писания?"

Чжао Цинхань с трудом сдержала порыв выругаться в его адрес. Древние даосские писания? Какая наглость даже поднимать этот вопрос! О чем он думал?

Ван Сюань продолжил: "А как насчет золотых бамбуковых свитков эпохи ранней Цинь?"

Выражение лица Чжао Цинхань омрачилось. Она почувствовала, что дальнейший разговор бессмысленен: Ван Сюань совершенно ясно выразил свое отсутствие интереса. Он даже специально выдвинул необоснованные условия, чтобы перекрыть этот путь.

Цин Чэн вздохнул. Он был потрясен тем, как его друг справлялся с ситуацией. Он боролся с Чжао Цинханем врукопашную и каким-то образом небрежно перевел разговор в сторону сотрудничества и бизнеса, а теперь заставил Чжао Цинханя пыхтеть от гнева. Пытаясь разрядить обстановку, он поднял свой стакан и сказал: «Выпьем за успехи и радости жизни. Кстати, Цинхань, я никогда не ожидал, что ты овладеешь Древним искусством в такой степени. Как тебе это удалось? Ты смог выстоять один на один против Ван Сюаня».

Ответ Чжао Цинхань был обезоруживающим. Она приписала свой успех поддержанию атлетической фигуры, уделяя часть своего дня тренировкам. От этих слов Цинь Чэн остолбенел. Он опустил голову, чтобы отпить из своего стакана, желание вести беседу испарилось. Вместо этого в его душе поселилась легкая печаль. Ведь он так усердно стремился обуздать свою внутреннюю силу, в то время как она играючи оттачивала свои способности в погоне за идеальным телом. Это был суровый упрек, напоминавший о том, что жизненный путь далек от справедливости.

http://tl.rulate.ru/book/105046/3694006